

УДК 323.22

Дмитрий Викторович Драгун
преподаватель-стажер каф. политологии
Белорусского государственного университета

Dmitry Dragun
Lecturer-Trainee of the Department of Political Science
of the Belarusian State University
e-mail: dragun.dim@yandex.ru

РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМИЗМ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Сформулированы авторские дефиниции терминов «религиозно-политический экстремизм», «исламизм» и «радикальный исламизм», показано их соотношение, описаны основные идеологемы радикального исламизма. Раскрыты основы «киберджихада» как информационно-мобилизационной деятельности радикальных исламистов в сети Интернет.

Ключевые слова: исламизм, радикальный исламизм, экстремизм, религиозно-политический экстремизм, «киберджихад».

Radical Islamism in the Discourse of Modern Political Knowledge

The article formulates the author's definitions of the terms «religious-political extremism», «islamism» and «radical Islamism», shows their relationship, describes the main ideologemes of radical islamism. The foundations of «cyberjihad» as an information and mobilization activity of radical islamists on the Internet are revealed.

Key words: islamism, radical islamism, extremism, religious and political extremism, «cyberjihad».

Введение

В условиях мировой политической и социально-экономической турбулентности исследование радикального исламизма приобретает особую теоретическую и практическую значимость. Согласно Глобальному индексу терроризма, составленному международными экспертами под эгидой Института экономики и мира, в 2022 г. число террористических атак в мире увеличилось до 5 226, при этом ответственность за 14 из 20-ти наиболее смертоносных из них взяли на себя радикальные исламистские организации и движения [1].

Проблема реагирования на угрозы со стороны радикального исламизма актуальна и для нашей страны. Часть 3 ст. 16 Конституции Республики Беларусь гласит: «Запрещается деятельность религиозных организаций, их органов и представителей, которая направлена против суверенитета Республики Беларусь, ее конституционного строя и гражданского согласия либо сопряжена с нарушением прав и свобод граждан, а также препятствует исполнению гражданами их государственных, общественных, семейных обязанностей или наносит вред их здоровью и нравственности» [2]. Согласно дейст-

вующей Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, «проявления социально-политического, религиозного, этнического экстремизма и расовой вражды» относятся к числу основных угроз национальной безопасности Республики Беларусь [3].

Указанные вопросы также широко дискутируются в белорусском академическом сообществе. Так, 27 января 2022 г. в Минске состоялась Республиканская межведомственная научно-практическая конференция «Концептуальные подходы в сфере национальной безопасности: тенденции и параметры трансформации», организованная Государственным секретариатом Совета Безопасности Республики Беларусь и Академией управления при Президенте Республики Беларусь. В рамках данной конференции высказывалось предложение о введении в новую редакцию Концепции национальной безопасности Республики Беларусь термина «религиозная безопасность» [4, с. 270–273].

Отечественная и зарубежная наука в последние годы уделяет пристальное внимание различным аспектам радикального исламизма как формы религиозно-полити-

ческого экстремизма. Существенный вклад в разработку данной темы внесли западные ученые Г. Е. фон Грюненбаум, Ж. Кепель, Д. Корбин, В. Маделунг, А. Мерари, Т. Осман, Д. Пайпс, О. Руа, М. Сейджмен, П. Хайне, А. Халид, С. Хантингтон, М. Г. С. Ходжсон, М. Юргенсмейер и др. Ряд аспектов данной проблематики получил отражение в трудах таких белорусских, украинских, российских ученых и аналитиков, как Ю. А. Антонова, Д. К. Безнюк, Э. А. Васильева, Г. А. Городенцев, Л. Е. Гринин, И. П. Добавев, А. А. Игнатенко, А. Е. Игнатович, З. И. Левин, А. В. Малашенко, М. Ф. Муртазин, Д. А. Нечитайло, Е. В. Пинюгина, Р. С. Тамаев и др.

Несмотря на значительный объем публикаций по заявленной теме, остается широкий спектр вопросов, требующих дополнительных исследовательских усилий именно с политологических позиций.

Цель статьи – раскрыть особенности радикального исламизма в дискурсе современного политического знания.

Основная часть

Изучение политических аспектов радикального исламизма осуществляется в дискурсе современного научного знания о радикализме и экстремизме, культивируемого на междисциплинарной основе в рамках ряда дисциплин, таких как политология, социология, экономика, педагогика, социальная психология и т. д. При этом сложилось значительное количество подходов к определению сущности и типологизации экстремизма [5, с. 4–6; 6, с. 56–57].

С точки зрения автора, в современном политическом процессе следует отметить тенденцию к конвергенции религиозного и политического типов экстремизма. Социально-экономические и политические проблемы, не подвергающиеся действенному, оперативному и конструктивному управленческому воздействию со стороны государства, провоцируют недовольство отдельных групп людей сложившейся ситуацией и (в условиях высокой религиозности населения) канализируются в форме религиозно мотивированных идей и социальных практик, легитимирующих применение противоправного насилия для коренного преобразования политической системы – религиозно-политического экстремизма.

На современном этапе развития социума широкий размах обретают тенденции популяризации и радикализации ислама и дальнейшего его становления в качестве религиозно-политической идеологии. В условиях глобального кризиса идеологий левого спектра ислам приобретает статус радикальной антисистемной эгалитарной идеологии, выражающей недовольство людей капиталистической организацией социума посредством обращения к религиозной традиции [7, с. 43].

По мнению ряда исследователей, в исламском вероучении наличествуют эндогенные факторы радикализации. Иджтихад, понимаемый как нормотворчество на основе Корана и Сунны, не имеет жесткой и единственно верной регламентации данными источниками мусульманского права, являясь результатом их богословской интерпретации. Поэтому каждый мусульманин обладает правом относиться критически к подобным суждениям, какой бы прогрессивный и рациональный заряд они ни несли. В подобных условиях имманентно предполагаемые сомнения в истинности иджтихада могут быть разрешены в рамках институтов ислама единственным способом: обратившись к непререкаемым первоисточникам – Корану и практике функционирования уммы времен пророка Мухаммада и праведных халифов [8, с. 14–15].

В свете вышеизложенного следует разделять употребляемые в данном исследовании термины «ислам», обозначающий одну из мировых авраамических религий, и «исламизм» как «политический ислам».

Термин «исламизм» попал в фокус внимания, стал общеупотребимым компонентом современного политического дискурса после Исламской революции в Иране 1978–1979 гг. и обозначает политические движения, которые отстаивают реисламизацию мусульманского населения как в ареалах их преимущественного распространения, так и в миноритарных сообществах.

В дискурсе современного политического знания сложился ряд концептуальных подходов к осмыслению термина «исламизм». В рамках данного исследования остановимся на рассмотрении некоторых из них. Российский исламовед А. А. Игнатенко под исламизмом понимает «идеологию и практическую деятельность, ориентирован-

ные на создание условий, в которых социальные, экономические, этнические и иные проблемы и противоречия любого общества (государства), где наличествуют мусульмане, а также между государствами, будут решаться исключительно с использованием исламских норм, прописанных в шариате (системе нормативных положений, выведенных из Корана и Сунны)» [8, с. 40]. В такой трактовке исламизм наделяется функцией политической идеологии, отстаивающей распространение норм шариата во всех сферах жизнедеятельности обществ, где в том или ином виде представлены мусульмане.

По убеждению российского исламоведа З. И. Левина, исламизм есть «глобальный геоцентрический проект с идеей провиденциальной избранности мусульман и спасения человечества от разрушительных последствий секуляризма, национализма, глобализации» [9, с. 157]. Такая интерпретация подчеркивает эгалитарный характер исламизма и его направленность на репрезентацию интересов наименее защищенных слоев мусульманских сообществ, реализация которых возможна лишь путем выстраивания четких оппозиций между праведностью уммы и греховностью европейского глобального проекта.

Немецкий исследователь П. Хайне отмечает тенденцию к реисламизации мусульманских обществ, которая выражается в конвергенции ислама в ответ на общемировые глобализационные процессы. Наибольшим потенциалом, по его мнению, в этом ключе обладает политическое измерение ислама – исламизм. Этот термин в трактовке П. Хайне можно рассматривать в двух ипостасях: как совокупность разнородных политических идей, основанных на трудах исламских богословов, ученых и политических деятелей различных временных периодов, и как основанная на исламском знании модернистская идеология антикапиталистической направленности [10].

Во французском научном дискурсе исламизм понимается как транснациональные идеи политизированного ислама. По мнению французского политолога О. Руа, исламизм – это «современное направление исламского фундаментализма, нацеленного на создание подлинного исламского общества не только через внедрение норм шариата, но и политическим путем создания ислам-

ского государства» [11, с. 58]. Сходные идеи высказывает и французский политолог Ж. Кепель: он определяет исламизм как совокупность идей, сформулированных в исламском дискурсе в ответ на популяризацию западных концептов демократии, прав и свобод граждан [12, с. 339–350].

Таким образом, под исламизмом, по нашему мнению, понимается совокупность идей и социальных практик, выработанных в рамках мусульманского дискурса в качестве реакции на постхристианское и/или секулярное влияние западной цивилизации.

В целях проведения настоящего исследования представляется необходимым разделять термины «исламизм» и «радикальный исламизм». Являясь частью исламизма, радикальный исламизм, по нашему мнению, представляет собой комплекс идей и социальных практик, легитимирующих применение насилия для коренного преобразования политической системы исходя из специфической интерпретации требований нормативного наследия ислама.

Радикальный исламизм является сравнительно молодым течением религиозно-политического экстремизма, возникшим в конце XIX – начале XX в. в качестве идейно-политической реакции на интервенцию европейских государств в ближневосточный регион. По нашему мнению, в современном политическом процессе генетической основой и идейным ядром радикального исламизма следует считать салафизм, сторонники которого полагают, что правоверный мусульманин во всех своих действиях должен руководствоваться только теми предписаниями, которые созданы в период жизни пророка Мухаммада.

С политологической точки зрения основные идеологемы радикального исламизма лежат в плоскости такфира и джихада. В салафитской традиции такфиру подлежат все, кто имеет извращенное миропредставление, отличное от салафитской интерпретации нормативных положений ислама: атеисты, последователи политеистических и иных авраамических религий, а также последователи иных течений ислама. Джихад в рамках радикального ислама рассматривается исключительно как военные действия в «дар аль-харб» против кяфилов, главными среди которых выступают США и Израиль [13, с. 106–107].

При этом под влиянием современной технологической революции, неотъемлемым элементом которой выступает сеть Интернет [14, с. 37], происходит интеграция неконвенциональных практик политической протестной киберактивности в сложившийся инструментарий джихада при сохранении «классической» направленности борьбы, что позволяет говорить о трансформации данного концепта. Пропагандистскую и информационно-мобилизационную деятельность радикальных исламистов в сети Интернет следует рассматривать как проявление политической протестной киберактивности в форме киберэкстремизма. Подобная деятельность, воспринимаемая в исламистском дискурсе как священная война в киберпространстве с использованием новейших информационно-коммуникационных технологий, терминологически обозначается как «киберджихад» [15, с. 50]. Важная особенность «киберджихада» состоит в его сетевом характере и децентрализованной структуре террористических групп. Подобная структура, предполагающая отсутствие четко выстроенной властной иерархии, вызывает трудности для выявления и пресечения противоправной экстремистской деятельности.

Феномен «киберджихада» носит комплексный характер, включающий в себя технологический и технический аспекты.

Технологический аспект охватывает способы информационно-психологического воздействия на реципиентов, в качестве которых выступает прежде всего молодежь, что связано с низкой критической составляющей сознания данной возрастной группы. Также в процессе подготовки учитываются «поколенческие» различия в мышлении реципиентов, что проявляется в стилизации медийной продукции в виде видеоклипов, для которых характерна «быстрая смена кадров, необычные ракурсы съемки, яркая картинка и т. д.» [16]. Подобный подход позволяет осуществлять информационное воздействие в т. ч. и на подсознательном уровне реципиента, конструируя образ радикального исламизма как грозного и непобедимого.

Дополнительное усиление воздействия осуществляется джихадистами посредством невербальной коммуникации: оптико-кинестическую (жесты, мимика, пантомима), пара- и экстралингвистическую (диапазон и тональность голоса, паузы, плач, смех, темп речи) организацию пространства и времени коммуникативного процесса и визуальный контакт [17, с. 33], что способствует трансляции заложенного информационного сообщения в подсознание объекта.

Технический аспект связан с налаживанием коммуникационной инфраструктуры в рамках организации. В данной сфере основные усилия радикальных исламистов направлены на разработку или адаптацию программ по анонимизации своего пребывания в Сети. В частности, активно используются системы прокси-серверов, позволяющие устанавливать анонимное сетевое соединение, защищенное от прослушивания (например, Tor), иные анонимайзеры и VPN-сервисы [18, с. 96]. Среди собственных разработок «киберджихадистов» значится мессенджер CCS, предоставляющий инструментарий для анонимного обмена информацией. Кроме того, активно используется функционал так называемого «даркнета». Еще одним перспективным каналом связи являются сетевые компьютерные игры, функционал которых позволяет координировать действия джихадистов, устанавливать контакт между различными ячейками и репетировать возможные террористические акты на виртуальных моделях.

Заключение

В результате проведенного исследования раскрыты понятие, сущность, основные идеологемы радикального исламизма. Отмечается отсутствие единого концептуального подхода к осмыслению терминов «исламизм» и «радикальный исламизм» в условиях популяризации и радикализации ислама и дальнейшего его становления в качестве религиозно-политической идеологии.

Под исламизмом нами предложено понимать совокупность идей и социальных практик, выработанных в рамках мусульманского дискурса в качестве реакции на постхристианское и/или секулярное влияние западной цивилизации, а под радикальным исламизмом – комплекс идей и социальных практик, легитимирующих применение насилия для коренного преобразования политической системы исходя из специфической интерпретации требований нормативного наследия ислама.

В качестве генетической основы и идейного ядра радикального исламизма предложено считать салафизм, имеющий идеологическое выражение в такфире и джихаде.

Раскрыты основы «киберджихада» как информационно-мобилизационной деятельности радикальных исламистов в сети Интернет, выступающего в качестве проявления киберэкстремизма как одной из неконвенциональных форм политической протестной киберактивности. Важная осо-

бенность «киберджихада» состоит в его сетевом характере и децентрализованной структуре террористических групп. Феномен «киберджихада» носит комплексный характер, включающий в себя технологический аспект, проявляющийся в способах информационно-психологического воздействия на реципиентов, в качестве которых выступает прежде всего молодежь, и технический аспект, связанный с налаживанием коммуникационной инфраструктуры в рамках организации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. 2022 global terrorism index. Measuring the impact of terrorism [Electronic resource] // Relief-Web. – 2022. – Mode of access: <https://reliefweb.int/report/world/global-terrorism-index-2022>. – Date of access: 28.09.2022.
2. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
3. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 г. // Ком. гос. безопасности Респ. Беларусь. – 2014. – Режим доступа: <http://kgb.by/ru/ukaz575>. – Дата доступа: 28.09.2022.
4. Концептуальные подходы в сфере национальной безопасности: тенденции и параметры трансформации : материалы Респ. межведомств. науч.-практ. конф., Минск, 27 янв. 2022 г. / науч. ред.: О. Н. Солдатова, А. И. Гордейчик, Н. М. Юрашевич. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2022. – 320 с.
5. Драгун, Д. В. К вопросу о дефиниции терминов «радикализм» и «экстремизм» / Д. В. Драгун // Социально-гуманитарные знания : материалы XVIII Респ. науч. конф. молодых ученых и аспирантов, Минск, 30 нояб. 2021 г. / редкол.: И. В. Титович (пред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2021 – С. 3–7.
6. Драгун, Д. В. Радикализм и экстремизм в современном политическом процессе / Д. В. Драгун // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. Филос.-гуманитар. науки : сб. науч. ст. – Минск : РИВШ, 2021. – Вып. 21, ч. 1 : Полит. науки. – С. 54–61.
7. Селезнев, И. А. Феномен радикального политического ислама в делинквентной среде в современных странах Европы и России / И. А. Селезнев // Вестн. экон. безопасности. – 2015. – № 6. – С. 43–45.
8. Игнатенко, А. А. Ислам и политика : сб. ст. / А. А. Игнатенко. – М. : Ин-т религии и политики, 2004. – 256 с.
9. Левин, З. Проблема мультикультурализма и конфликтный потенциал диаспоры / З. Левин // Россия и мусульм. мир. – 2014. – № 10. – С. 150–158.
10. Heine, P. Islamismus – Ein ideologiegeschichtlicher Überblick [Elektronische ressource] / P. Heine // Bundesministerium des Innern. – 2003. – Zugriffsmodus: <https://publikationen.unituebingen.de/xmlui/bitstream/handle/10900/62842/Islamismus.pdf?sequence=1&isAllowed=y>. – Zugriffsdatum: 29.09.2022.
11. Roy, O. Globalized Islam: The Search for a New Ummah / O. Roy. – New York : Columbia University Press, 2006. – 343 p.
12. Кепель, Ж. Джихад: экспансия и закат исламизма / Ж. Кепель ; пер. с фр. В. Ф. Денисова. – М. : Ладомир, 2004. – 468 с.
13. Драгун, Д. В. Радикальный исламизм в международном политическом процессе [Электронный ресурс] / Д. В. Драгун // Актуальные проблемы теории политики: мировое и национально-государственное измерения : материалы круглого стола каф. политологии Бело-

рус. гос. ун-та, Минск, 31 марта 2022 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Н. А. Антанович (гл. ред.), С. В. Решетников, С. Г. Паречина. – Минск : БГУ, 2022. – 140 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

14. Драгун, Д. В. Политическая протестная киберактивность: понятие, формы и механизмы противодействия / Д. В. Драгун // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. Филос.-гуманитар. науки : сб. науч. ст. – Минск : РИВШ, 2021. – Вып. 20, ч. 1 : Полит. науки. – С. 35–42.

15. Сурма, И. В. Виртуальные войны за реальное геополитическое пространство: этиология джихада и киберджихада / И. В. Сурма // Roczn. Bezpieczeństwa Międzynar. – 2016. – Т. 10, № 2. – С. 41–50.

16. Willams, L. Islamic State propaganda and the mainstream media [Electronic resource] / L. Willams // Lowy Institute. – 2016. – Mode of access: https://www.files.ethz.ch/isn/196198/islamic-state-propaganda-western-media_0.pdf. – Date of access: 29.09.2022.

17. Жаворонкова, Т. В. Использование сети Интернет террористическими и экстремистскими организациями / Т. В. Жаворонкова // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2015. – № 3. – С. 30–36.

18. Ammar, J. When Jihadi Ideology Meets Social Media / J. Ammar, S. Xu. – New York : Palgrave Macmillan Cham, 2018. – 147 p.

REFERENCES

1. 2022 global terrorism index. Measuring the impact of terrorism [Electronic resource] // Relief-Web. – 2022. – Mode of access: <https://reliefweb.int/report/world/global-terrorism-index-2022>. – Date of access: 28.09.2022.

2. Konstitucija Rjespubliki Bielarus' [Elektronnyj riesurs] : s izm. i dop., priniatymi na riesp. riefierendumakh 24 nojab. 1996 g., 17 okt. 2004 g. i 27 fiev. 2022 g. // ETALON. Zakonodatiel'stvo Rjespubliki Bielarus' / Nac. centr pravovoj inform. Rjesp. Bielarus'. – Minsk, 2022.

2. Ob utvierzhdenii Konceptii nacional'noj biezopasnosti Rjespubliki Bielarus' [Elektronnyj riesurs] : Ukaz Priezidenta Rjesp. Bielarus', 9 nojab. 2010 g., № 575 : v ried. Ukaza Priezidenta Rjesp. Bielarus' ot 24.01.2014 g. // Kom. gos. biezopasnosti Rjesp. Bielarus'. – 2014. – Riezhim dostupa: <http://kgb.by/ru/ukaz575>. – Data dostupa: 28.09.2022.

4. Konceptual'nyje podkhody v sfierie nacional'noj biezopasnosti: tendencii i parametry transformacii : materialy Rjesp. miezhviedomstv. nauch.-prakt. konf., Minsk, 27 janv. 2022 g. / nauch. ried.: O. N. Soldatova, A. I. Gordiejchik, N. M. Yurashevich. – Minsk : Akad. upr. pri Priezidentie Rjesp. Bielarus', 2022. – 320 s.

5. Dragun, D. V. K voprosu o diefincii tierminov «radikalizm» i «ekstriemizm» / D. V. Dragun // Social'no-gumanitarnyje znaniya : materialy XVIII Rjesp. nauch. konf. molodykh uchionyh i aspirantov, Minsk, 30 nojab. 2021 g. / riedkol.: I. V. Titovich (pried.) [i dr.]. – Minsk : RIVSh, 2021. – S. 3–7.

6. Dragun, D. V. Radikalizm i ekstriemizm v sovriemiennom politichieskom processie / D. V. Dragun // Nauch. tr. Rjesp. in-ta vyssh. shk. Filos.-gumanitar. nauki : sb. nauch. st. – Minsk : RIVSh, 2021. – Vyp. 21, ch. 1 : Polit. nauki. – S. 54–61.

7. Sieliezniov, I. A. Fienomien radikal'nogo politichieskogo islama v dielinkvientnoj sriedie v sovriemiennykh stranakh Jevropy i Rossii / I. A. Sielieznioiv // Viestn. ekon. biezopasnosti. – 2015. – № 6. – S. 43–45.

8. Ignatienko, A. A. Islam i politika : sb. st. / A. A. Ignatienko. – M. : In-t rieligii i politiki, 2004. – 256 s.

9. Lievin, Z. Problema mul'tikul'turalizma i konfliktnyj potencial diaspor / Z. Lievin // Rossiya i musul'm. mir. – 2014. – № 10. – S. 150–158.

10. Heine, P. Islamismus – Ein ideologiegeschichtlicher Überblick [Elektronische ressource] / P. Heine // Bundesministerium des Innern. – 2003. – Zugriffsmodus: <https://publikationen.unituebingen.de/xmlui/bitstream/handle/10900/62842/Islamismus.pdf?sequence=1&isAllowed=y>. – Zugriffsdatum: 29.09.2022.

11. Roy, O. Globalized Islam: The Search for a New Ummah / O. Roy. – New York : Columbia University Press, 2006. – 343 p.

12. Kiepiel', Zh. Dzhikhad: ekspansija i zakat islamizma / Zh. Kiepiel' ; pier. s fr. V. F. Dienisova. – M. : Ladomir, 2004. – 468 s.

13. Dragun, D. V. Radikal'nyj islamizm v miezhdunarodnom politichieskom processie [Elektronnyj riesurs] / D.V. Dragun // Aktual'nyje problemi teorii politiki: mirovoje i nacional'no-gosudarstvennoje izmierienija : materialy kruglogo stola kaf. politologii Bielorus. gos. un-ta, Minsk, 31 marta 2022 g. / Bielorus. gos. un-t ; riedkol.: N. A. Antanovich (gl. ried.), S. V. Rieshetnikov, S. G. Pariechina. – Minsk : BGU, 2022. – 140 s. – 1 eliektron. opt. disk (SD-ROM).

14. Dragun, D. V. Politichieskaja protiestnaja kibieraktivnost': poniatije, formy i miekhanizmy protivodiejstvija / D. V. Dragun // Nauch. tr. Rieszp. in-ta vyssh. shk. Filos.-gumanitar. nauki : sb. nauch. st. – Minsk : RIVSh, 2021. – Vyp. 20, ch. 1 : Polit. nauki. – S. 35–42.

15. Surma, I. V. Virtual'nyje vojny za rieal'noje gieopolitichieskoje prostranstvo: etiologija dzhikhada i kibierdzhikhada / I. V. Surma // Roczn. Bezpieczeństwa Międzynar. – 2016. – T. 10, № 2. – S. 41–50.

16. Willams, L. Islamic State propaganda and the mainstream media [Electronic resource] / L. Willams // Lowy Institute. – 2016. – Mode of access: https://www.files.ethz.ch/isn/196198/islamic-state-propaganda-western-media_0.pdf. – Date of access: 29.09.2022.

17. Zhavoronkova, T. V. Ispol'zovanie sieti Internet tierroristichieskimi i ekstriemistskimi organizacijami / T. V. Zhavoronkova // Viestn. Orenburg. gos. un-ta. – 2015. – № 3. – S. 30–36.

18. Ammar, J. When Jihadi Ideology Meets Social Media / J. Ammar, S. Xu. – New York : Palgrave Macmillan Cham, 2018. – 147 p.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2022